Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Всеволод Завидов: «В музыке надо выбирать правду»

27.03.2024.

Photo © N. Sikorsky

6 апреля 2024 года 18-летний пианист заменит в концерте в Базеле Хатию Буанитишвили, исполнив Первый концерт П. И. Чайковского в сопровождении Тайваньского филармонического оркестра.

Мы впервые услышали игру Всеволода Завидова на прошедшем недавно концерте класса Нельсона Гёрнера – с начала текущего учебного года, то есть с сентября 2023-го, родившийся в Москве музыкант продолжает обучение в Женевской консерватории. Внешне он напоминает Евгения Кисина в молодые годы: такая же копна курчавых волос, такая же не по возрасту солидная речь, полная сосредоточенность на музыке, разносторонность интересов и глубина размышлений.

Ну, вы сами сейчас увидите.

Всеволод, Вы родились в Москве в 2005 году не в музыкальной семье, однако в одном из интервью сказали, что с малых лет все делали под музыку – как так получилось?

Меня в детстве много чему разному учили: и рисовать, и писать, и даже в олимпиадах по математике я участвовал – до шестого класса. Никаких музыкальных целей не было. Но когда мы с мамой ехали куда-то в машине, то всегда слушали записи Рихтера, например. Кроме того, мы жили на улице Грановского, интернат ЦМШ был виден в окно, потом я в эту школу поступил… С тех пор мы стали довольно часто бывать на фестивале в Вербье, на оперном фестивале в Вероне – он мой любимый.

В музыкальных семьях обычное дело проверить у ребенка слух в совсем раннем детстве и дальше «направлять», в зависимости от результатов проверки. Но кто помог Вашим родителям распознать Ваш талант и как прошло поступление в Центральную музыкальную школу при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, где уже с четырех лет Вы учились в классе педагога Тамары Колосс?

Во время случайной встречи моей мамы с незнакомой женщиной в спортивном клубе выяснилось, что ЦМШ у нас «под боком» – дочь этой женщины там училась. Придя домой, мама рассказала это нашей грузинской няне, которая тут же отреагировала: «Как же так! Мальчик из приличной семьи не играет на скрипке или на рояле! Потом пусть будет юристом, но хоть что-то…» А в ЦМШ такая система, что приходишь не сразу на какой-то инструмент, а сначала на сольфеджио/ритмику. Был ноябрь, учебный год уже начался. Но когда мама пришла навести справки, то ей сказали: «Если мальчик, то приходите!» В том году был недобор мальчиков.

То есть Вас приняли по столь актуальному сейчас гендерному признаку?

Именно так! И выбрал я рояль.

Всеволод, любители анаграмм сразу обратили бы внимание на код, заложенный в вашем имени: ВСЕволод ЗАВИДов – Вам все должны завидовать! Особенно те, кто не понимают, насколько неблагодарна профессия музыканта, какой тяжелый это труд, как трудно подняться до Олимпа и как легко с него скатиться. Давайте поговорим об этом.

Назвали меня в честь прадедушки – архитектора Всеволода Дьякова. А потом я познакомился с одним чудесным пианистом с оксфордским дипломом: когда я назвал свое имя, он сразу откликнулся «О, как Мейерхольд!» Жизненные перспективы такая аналогия рисует не самые радужные, но качество жизни, я думаю, она гарантирует.

Что касается профессии и так далее… Нехорошее слово «карьера», но еще хуже «самореализация». Мои родители смотрели на мое образование широко – я был записан в Итон, но потом это оказалось не логичным. Благодаря их подходу я много чего люблю делать и много чем интересуюсь. Мне кажется, что надо мыслить себя не только в рамках парадигмы профессиональной, но и в рамках парадигмы поколения, если о нашем поколении вообще можно так говорить. Когда читаешь дневники Прокофьева, то понимаешь – вот это было поколение, требовавшее от каждого

гораздо большего чем что-то сиюминутное, это в итоге приходило само. Был некий культурный код, было достоинство. Это то, к чему я всегда стремился и стремлюсь.

На Олимп Вы взлетели очень рано: дебют в Большом зале Московской консерватории в возрасте восьми лет, а в возрасте одиннадцати – победа на Международном конкурсе пианистов «Дебют» в США и концерт в нью-йоркском Карнеги-холле. Как это было?

Первые свои три ноты в Большом зале я сыграл даже раньше: это были две пьесы Шумана по несколько минут каждая в рамках школьного зачета, была у учеников ЦМШ такая возможность. Зачет я получил. А где-то через полгода вышел на сцену еще раз. Дело в том, что для меня в то время не существовало Большого зала Консерватории, как храма – а именно так к нему относились в советское время очень многие. Я теперь это понимаю, но тогда – нет, и поэтому спокойно сыграл Концерт Моцарта с оркестром ЦМШ.

Что касается Карнеги-холла, то отделение, которое я должен был сыграть после победы на конкурсе, стало для меня сложным. Программа была труднее, мне кажется, чем было мне тогда по силам. Сложнее всего была необходимость за где-то три недели выучить Andante maestoso – знаменитую тему из «Щелкунчика» в транскрипции Михаила Васильевича Плетнева, завершавшую программу. Помимо этого, я играл «Фантазию» Моцарта, пьесу Гайдна, Шумана, Шостаковича… Я страшно волновался и ничего не помню: ни выхода на сцену, ни ухода с нее, ни аплодисментов – только пространство перед дверью на сцену с какими прилепленными на стену бумажками.

После таких ранних грандиозных успехов не трудно ли расти дальше – куда еще расти, к чему стремиться, о чем мечтать?

Возвращаемся к культурному коду поколений. Расти можно еще очень много куда. Я считаю себя русским человеком, вижу, как жили русские люди в 19 веке – определенная их часть, с которой мы и общаемся духовно, – и становится понятно, к чему стоит стремиться. Само по себе исполнение 12 Трансцендентных этюдов Листа на может быть целью жизни, но может быть профессиональным этапом. Русская музыка, на мой взгляд, требует большей консолидации мыслей, а с этим – большей работы.

Вам вряд ли было на что жаловаться в России: Вы много гастролировали, в 2017 году дважды выступали с Государственным камерным оркестром «Виртуозы Москвы» под управлением Владимира Спивакова, исполнив Первый фортепианный концерт Шостаковича, Вас без проблем выпускали за границу… Однако Вы приняли решение уехать. Почему?

К этому вопросу существует несколько подходов, основной из которых – большинство уезжает, чтобы вернуться. И я из их числа: физически я уехал бы вне зависимости от исторического контекста, а духовно и не уезжал. Трагедия в том, что России в моем понимании не существует. Да и не могу я сказать, что хорошо ее знаю – я знаю три переулка в центре Москвы. Всех людей «моей» России я могу лицезреть и за ее пределами, где большинство из них сейчас находится.

Я был в Москве на Новый год и вроде посетил все нужные точки. Но было полное ощущение пира во время чумы и отсутствия чего-то, что раньше было. Некоторые

иностранцы, приехав, могут и не понять, что там происходит. Чтобы прикоснуться к моей Москве, надо зайти в три-четыре квартиры, посмотреть, впитать… Но делать мне там сейчас совершенно нечего и играть незачем. Не время.

Почему Вы решили переехать именно в Женеву? Связано ли это с получением специального приза Жоржа Лебансона на 76-м Международном конкурсе исполнителей в Женеве в 2022 году?

С конкурсом точно не связано. Швейцарию я знал мало, в основном, по фестивалю в Вербье. Папа бывал здесь по работе. Но выбирая место, где учиться, мы же едем не в страну и не в организацию, а к конкретному профессору. Так вышло, что старый друг нашей семьи, профессор Королевского колледжа музыки Дина Парахина, дала мне в жизни два судьбоносных совета: сначала она дала нам номер телефона Татьяны Абрамовны Зеликман, а чуть больше года назад – Нельсона Гёрнера. После первого занятия с ним я понял, что приеду сюда.

Действительно, с 2018 года Вы обучались в Московской средней специальной музыкальной школе им. Гнесиных в классе выдающего профессора Татьяны Зеликман, рекомендацию которой для поступления в аспирантуру дала в свое время сама Елена Фабиановна Гнесина! Вы проучились у Татьяны Абрамовны пять лет, а с тех пор уже более полугода учитесь у Нельсона Гёрнера. Можете ли сравнить школы, подходы, стили общения?

У Татьяны Абрамовны я учусь до сих пор, мы не расстаемся. Понимаете, в Москве я учился в ЦМШ и в Гнесинке. Их разделяет не только улица Воздвиженка, но нечто гораздо большее – это максимально разные подходы. Татьяна Абрамовна для меня гораздо больше, чем педагог. Она и ее муж, профессор Владимир Манулирович Тропп, – это представители такого поколения, такой высшей интеллигенции, что я не мог учиться у нее только музыке. Бывая в Москве, я сразу иду ей играть, стараюсь встречаться с ней, когда она бывает в Европе – а она бывает, несмотря на почтенный возраст, и скоро мы встретимся в Италии, где она будет давать мастер-классы. Я не знаю другого человека с такой энергией.

Нельсон Гёрнер – человек другого поколения, у него совсем другая школа, гораздо менее историзированный подход. Идеалы Татьяны Абрамовны остались где-то позади, хотя живет она абсолютно сегодняшним днем: это Горовиц, Корто, Шнабель, Рахманинов… При этом, как ни странно, я нахожу очень мало диссонансов между тем, что говорила и говорит мне она, и тем, что говорит Нельсон Гёрнер. Мне очень интересно с ним заниматься, я ближе к нему по возрасту, но Татьяна Абрамовна – часть того московского культурного кода, от которого я не могу отойти, он во мне навечно. Существование в этих двух парадигмах для меня совершенно естественно.

Летом 2022 года Вы участвовали в фестивале «Звезды белых ночей» и в Мариинском театре в серии концертов, посвященных 140-летию со дня рождения Игоря Стравинского. В декабре того же года – в фестивале «Мариинский». Все это – по приглашению Валерия Гергиева, после начала войны в Украине ставшего на Западе персоной нон-грата. Вы понимаете, что к Вам могут быть на этот счет вопросы?

Понимаю. Мне кажется, что существуют отдельные люди – их список всегда очень короток, – которые, несмотря на видимость, находятся выше любого контекста. Значимая часть города Санкт-Петербург живет духовно во многом за счет

Мариинского театра, который не мог бы существовать без Валерия Гергиева. Мне кажется, что не всех в России нужно абсолютно очернять, хотя таких очень мало. К ним, по-моему, относится Валерий Абиссалович, который очень много несет на своих плечах. На такое мало кто способен. Он выбрал путь компромисса ради поддержании в России музыкального процесса. Думаю, что этот процесс и то, чем он живет, очень далеки от того, что его реально окружает.

16 февраля 2024 года, в день смерти Алексея Навального, мы встретились с Вами на митинге на женевской площади Наций. Что побудило Вас туда прийти?

Алексей и Юлия Навальные для меня – большие мечтатели. И я сам мечтатель. Плюс они для меня – показатели несломимой России. Даже Юлия в большей степени, как настоящая жена декабриста. За это я их очень уважаю. Я с раннего детства жил в контексте «Эха Москвы», о Навальных узнал после Болотной площади и прошел несколько стадий собственного отношения к Алексею, что никак не повлияло на мое глубокое уважение к нему за способность мечтать и доносить свою мечту до большого числа людей.

Что вообще для Вас музыка?

Музыка бывает очень разной: контекстуальной, не контекстуальной и надконтекстуальной. Ее абсолютная сила – в возможности общаться без перевода. В то время как иную картину бывает трудно понять без пояснения, в музыке такого нет. Музыка может жить за счет огромного таланта исполнителя, такое бывает. В музыке, как и в жизни, есть две парадигмы: кем нужно быть – актером или режиссером, и что мне важнее – правда/свобода или красота/эстетика? Если в жизни иногда можно позволить себе сбежать от правды в сторону эстетики, красоты, то в музыке надо чаще выбирать правду и быть режиссером.

Не зря мы начали разговор с Мейерхольда.

Совершенно верно. Мне кажется, что в литературе Пушкин и Шекспир – надконцептуальны, и в музыке есть схожие явления. Самая большая сложность в нашей профессии – балансировать между правдой и красотой. Рахманинов-пианист был на это способен, его детализация и эмоциональность сумасшедшие, но в четких рамках. В музыке часто есть сарказм, и он очень важен у Рахманинова, Стравинского, Шостаковича. Сарказм – это хорошая инстанция между эстетичностью и правдой.

6 апреля Вы исполните в Базеле Первый концерт Чайковского – сочинение не просто прекрасное, но и, для русской культуры, знаковое. Что скажете о нем?

Музыка эта феноменальная, требующая большой моральной силы. У Чайковского такая сила, безусловно, была, хотя в первой редакции он и видел этот концерт, как более камерное произведение. Большая сила эта чувствуется в его музыке, как и большое плечо России, какой бы они ни была, на которое он мог опираться. На мой взгляд, неверно говорить, что в этой музыке есть имперскость, в ней есть скорее мощь, гордость, вольность, которых сейчас, пожалуй, нет. Музыка эта была так по-разному использована – кто-то под нее гимнастику делал в 1960-е годы! Ее играл Ван Клиберн в Москве в 1958 году, и, судя по всему, этот концерт стал чем-то большим, чем он на самом деле был – он стал символом. Мне сложно судить: слушая запись Клиберна, я ничего такого не слышу, но люди, слушавшие его живьем, говорят, что

это стало вехой в их жизни. А концерт Горовица в Москве в 1986 году, возможно, лучший концерт в истории человечества вообще?! Тут я прекрасно понимаю все эмоции, но для того, чтобы люди **так** его слушали, надо было этих людей в течение предшествовавших пятидесяти лет убивать. Может быть, через энное количество лет такое снова сможет случиться, но сейчас это невозможно.

От редакции: Билеты на концерт Всеволода Завидова в Базеле проще всего приобести здесь. А если вы хотите провести следующий час в обществе прекрасной музыки, то предлагаем вам посмотреть и послушать запись выступления Всеволода Завидова на полуфинале 76 Международного конкурса в Женеве 30 октября 2022 года.

русские музыканты в Швейцарии

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/dans-la-musique-il-faut-choisir-la-verite*